

пятствия являются ненормативным явлением, “наносщим вред”»¹. Автор указывает также на то, что «представление о препятствии грамматикализовано в целом ряде служебных слов, устойчивых оборотов и словообразовательных моделей»², к каковым можно отнести следующие: *несмотря на, хотя, чересчур, слишком, вразрез, наперекор* и т. п. Таким образом, можно говорить о том, что представление об антинорме тоже является грамматикализованным.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что норма теснейшим образом связана с концептами пространства и движения. Норма – это ориентационное понятие. Ориентация в жизни воплощается на языковом уровне как ориентация в пространстве. Стремление удержаться в рамках нормы связано с боязнью заблудиться, пойти не в ту сторону, т.е. с неправильным движением в пространстве, с потерей ориентира. Категория движения, через которую объективируются представления о норме и антинорме, вносит в их значение компонент ‘идти в неопределённом направлении’ (блуждать) и ‘идти в неправильном направлении’ (заблудиться). Неправильное направление связано с оппозицией один / все: все идут в правильном направлении, значит, выбранное кем-то одним направление неправильное.

Необходимость соблюдения норм транслируется в языке при помощи формирования отрицательного образа мира, который подаётся языком как мир чужой, опасный, что усиливается его рядоположенностью с «нормальным» миром.

И. М. Ганжина

МОДИФИКАЦИЯ ЛИЧНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ИМЁН В XVI – XVII ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ ТВЕРСКИХ ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ)

The article deals with the fixed in the Tver business texts of the pre-natal period forms of the Christian personal names, formed from a stem. The laws of formation of derivative forms of names are established, the efficiency of these or other word-formation means comes to light, and also the phonetic phenomena accompanying word-formation processes in Christian names are marked. The role of the various suffixes participating in modification of the Greek-Byzantine names in speech is shown.

Key words: *onim, an initial name, diminutive, the qualitative form, a derivative.*

¹ Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. С. 200–201.

² Там же. С. 216.

Как отмечают исследователи, «большой интерес для изучающих историческое словообразование русского языка представляет рассмотрение состояния словообразования в какие-либо “срединные эпохи”, т.е. такие, по отношению к которым есть хронологически предшествующие материалы и вместе с тем – последующие»¹. Такой эпохой для антропонимического словообразования являются XVI–XVII вв., представленные большим количеством деловых текстов, отражающих формирующиеся нормы именования лица. Нет сомнений, что многие современные модели образования многочисленных форм личных имён уходят своими корнями в донациональный период, и потому тщательное изучение фактов прошлого поможет лучше понять механизмы, действующие в современной словообразовательной системе. Идеальным источником для этого являются именно деловые тексты преднационального периода, содержащие большое количество деминутивов и отражающие живую разговорную речь того времени, когда складывались основные антропонимические нормы (как официальные, так и разговорно-бытовые)².

Есть основания полагать, что христианские имена испытали на себе непосредственно влияние имён, бытовавших в дохристианский период, да и после христианизации, и получили те же суффиксы, которые

¹ Полякова Е. Н. Роль лексики в развитии словообразовательной системы (по материалам пермских памятников XVII – начала XVIII вв. и современных говоров) // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994. С. 180.

² Нами исследованы следующие документы: Акты Московского государства / Под ред. Н. А. Попова. Т. III. СПб., 1901; Акты писцового дела. Т. I. Акты 1587–1627 гг. / Под ред. С. Б. Веселовского. М., 1913; Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. II. М., 1956; Акты юридические. СПб., 1838; Макарова И. Е. Тверская деловая письменность XVII–XVIII вв.: Выписи из писцовых, межевых, мерных книг и пожалованных грамот Колязинского, Краснохолмского Антониева монастырей. Тверь: Тверской госуниверситет, 1997; Выпись из Тверскихъ писцовыхъ книгъ письма и меры Феодора Игнатъева да подъячаго Тимофея ... (Стефанова) 135 и 136 годовъ. Вып. I. Тверь, 1916; Новгородские писцовые книги. Т. 6: Книги Бежецкой пятины. СПб., 1910; Грамоты Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Тверь, 1904; Архивь Новоторжскаго Воскресенскаго женскаго монастыря. Старица, 1910; Грамоты Новоторжскаго мужскаго Борисоглебскаго монастыря. Тверь, 1903; Писцовые книги Московского государства XVI века. Ч. 1 / Под ред. Н. В. Калачёва. СПб., 1877; Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956; Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. / Под ред. С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. Т. I. М., 1929; Шумаков С. Тверские акты, изданные Тверской ученой архивной комиссией. Вып. I. Акты 1506–1647 гг. Тверь, 1896–1897; Сторожев В. Н. Тверское дворянство XVII в. Вып. 2; Бондарчук Н. С., Кузнецова Р. Д. Тверская деловая письменность XVII–XVIII вв. Калинин: Калининский госуниверситет, 1986; Торопецкая писцовая книга 1540 года // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964; К материалам для церковной и бытовой истории Тверскаго края в XV–XVI вв. / Под ред. М. Рубцова. Вып. II. Старица, 1905.

были распространены среди имён языческих, в большинстве своём славянских¹. Самое продуктивное употребление качественных форм в преднациональный период связано именно с использованием разнообразных суффиксальных элементов, добавляемых ко всевозможным сокращениям различных народно-разговорных форм крестильных имён (при этом следует отметить необыкновенно широкое использование различных согласных в организации аффиксов отхристианских именных дериватов, в состав которых входит большинство согласных звуков русского языка).

Как пишет А. В. Суперанская, «такого обилия уменьшительных не знает никакой другой язык, в который заимствовались канонические византийские имена, и объяснить это можно только влиянием богатейшей словообразовательной системы неканонических и канонических имён»². Весь корпус антропонимов этого типа свидетельствует об исключительном богатстве словообразовательных возможностей этой группы лексики (нами зафиксировано 60 формантов и их модификаций). При этом большая вариативность имён в исследуемый исторический период связана со многими факторами: с отсутствием официальных норм, с установившимися традициями, с особенностями местного диалекта либо диалекта лица, производившего запись, со сферой общения, а иногда, вероятно, – с возрастом именуемого или с его социальным положением (главным образом с XVII в.).

Среди производящих основ исследуемых нами форм христианских личных имён можно выделить два основных типа: полная, или, по выражению В. И. Тагуновой³, недеформированная основа имени, и усечённая, сокращённая основа. Кроме того, некоторые исследователи выделяют так называемые производные основы⁴, когда к основе имени поочередно присоединялись два суффикса, и личное имя с первым суффиксом являлось основой, к которой присоединялся следующий суффикс. Однако нам подобное выделение особого вида основы кажется неправомерным и лишь затрудняющим анализ исторического антропонимического словообразования, поскольку такая производная основа в любом случае восходит к одной из двух уже выделенных нами основ (полной либо усечённой).

¹ Подольская Н. В. Некоторые вопросы исторической ономастики в связи с анализом берестяных грамот // Историческая ономастика. М.: Наука, 1977. С. 49–71, 60.

² Суперанская А. В. Как вас зовут? Где вы живёте? М., 1964. С. 33.

³ Тагунова В.И. Категория уменьшительности и ласкательности в диалектной антропонимии // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. С. 82.

⁴ Там же. С. 83.

Число суффиксов, присоединявшихся к полному христианскому личному имени, было сильно ограничено. При данном способе образования к полному – как правило, народному варианту имени присоединялся антропонимический суффикс, являвшийся, как отмечают исследователи, средством наделения слова «морфологическими признаками категории лица, что позволило воспринимать их как названия лиц и осмысленно употреблять в качестве имён»¹.

В подавляющем большинстве случаев употреблялся универсальный для того времени суффикс **-К-**: *Александрко, Анофрейка, Бенедиктко, Данилка, Июдка, Калинка, Окулко, Пудко, Стахейко* и т.д. Если конечный согласный исходного имени оканчивался на заднеязычный **-к**, то перед следующим суффиксом **-К-** этот согласный исторически изменялся в **-ч-**: *Исачка, Исачко* < Исак, *Лучка, Лучко* < Лука, *Фочка* < Фока. В том случае, когда исходное имя оканчивалось согласным **-т**, стоявшим после согласного же (*Феоктист, Феранонт*), этот взрывной звук перед суффиксом **-К-** становился непронизносимым и исчезал на письме: *Фектиска, Феранонко*.

Интересно, что в отдельных случаях наблюдаем появление некоей разновидности отмеченного суффикса, превращение его в **-СК-**, который нельзя, на наш взгляд, считать самостоятельным формантом, поскольку он встречается в очень ограниченном числе примеров (ср.: *Иевско, Савастьянско*) и имеет параллельные формы с суффиксом **-К-** (*Иевка, Иевко; Савастьянко, Совастьянко*).

Нередко даже производные формы, образованные от одного христианского личного имени при помощи одного и того же суффикса (в данном случае **-К-**) функционируют в нескольких вариантах. Подобная вариативность связана со следующими моментами:

1. С чередованием финальной части **-К(а) // -К(о)**: *Гаврилка – Гаврилко, Назарка – Назарко, Нестерка – Нестерко, Омельянка – Омельяно, Захарка – Захарко, Ермолка – Ермолко, Илейка – Илейко, Кирилка – Кирилко, Кононка – Кононо, Титка – Титко, Фомка – Фомко* и т.д.

2. С образованием производных форм от исторически сложившихся разных вариантов полных форм христианских личных имён: *Елисейко – Лисейко, Еремейко – Ерёмка, Флорко – Фролко – Фролка, Матфейко – Матвейко – Матвейка*. Нередко на появлении разных исходных вариантов полных имён отражалась фонетическая вариативность, возникавшая в результате:

¹ Мирославская А. Н. Особенности словообразовательной структуры русских календарных имен // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. С. 48.

аканья: *Бариско – Бориско – Бориска, Антипка – Онтипка – Онтипко, Савастьянко – Савостьянко – Совостьянко, Симанко – Симонко, Патрекейко – Потрекейко* и т.п.

яканья: *Ефимка – Ефимко – Яфимко, Екимко – Якимка – Якимко*;

чередования начальных Е//О: *Евдокимко – Овдокимка – Овдокимко, Есипко – Осипка – Осипко, Ефремка – Офремко*;

чередования начальных Н//М: *Микитка – Никитка – Никитко, Микифорка – Никифорка – Микифорко – Никифорко*;

чередования И//У: *Кипреянко – Купреянко*;

чередования твёрдых и мягких согласных в конце производящей основы: *Иванка – Иванко – Иванько*,

отсутствия орфографических норм и следования фонетическому принципу орфографии, когда в слабой позиции нередко писали тот гласный или согласный, который слышали: *Демидко – Демитко, Зеновко – Зиновко – Зеновка*.

В целом количество форм, образованных от разных вариантов одного и того же христианского личного имени при помощи суффикса –К-, колеблется от двух (наиболее частое количество) до шести (ср.: *Гарасимка – Гарасимко – Герасимка – Герасимко – Горасимка – Горасимко*).

Производные формы, образованные от полной основы имени при помощи суффикса –К-, зафиксированы во всех памятниках – как XVI, так и XVII вв., однако можно заметить, что в XVII в. число подобных форм значительно возрастает, что связано с формированием в этот период московских норм делопроизводства, а вместе с ними – социальных антропонимических норм, при которых данный формант становится показателем низкого социального положения именуемого.

Кроме суффикса –К-, в документах преднационального периода зафиксировано ещё несколько формантов, добавлявшихся к полной основе христианских личных имён, однако число онимов, образованных таким способом, было невелико.

Суффикс –ЕЦ- чаще всего добавляется к твёрдой консонантной основе: *Иванец (Ыванец), Мартьянец, Никифорец, Олферец, Семенец, Степанец, Якимец, Яковец*. Однако возможно и образование подобных форм от имён с мягкой основой – как правило, на –ей ударное: *Олексеец, Ондреец, Тимофеец*. В этом случае, как правило, *j* на письме не отражается, хотя возможны и написания типа *Ондрейец, Матфейец, Олексейц*. Относительно же неоднократно отмеченной в памятниках формы *Михалец* предполагаем, что она могла быть образована от мягкой исходной основы, т.е. восходить к зафиксированному в текстах

полному варианту *Михаль*, хотя нельзя исключить и возможность её образования от твёрдой основы других вариантов имени – *Михаил, Михаило, Михаила* (с утратой гласного *и*).

Суффикс **-ИК** также, как правило, присоединяется к именам с основой на твёрдый согласный: *Иваник, Карник, Логиник, Микифорик, Нестерик, Обакумик, Окулик, Онцыфорик, Павлик, Самоилик, Самуилик, Сидорик, Труфаник, Фофаник*. Но и здесь, как и в предыдущем случае, возможно присоединение суффикса к мягкой консонантной производящей основе (когда полная производная форма оканчивалась на *-j*, который при этом исчезал): *Овсеик, Олексеик, Савостеик*. Интересен пример с удвоением конечного согласного *-н* исходного имени, в результате чего возникает как бы новый суффикс **-НИК**: *Созонник*. Однако этот случай единичен, и не исключено, что здесь отражена лишь описка, а потому мы не имеем полного основания считать данный формант самостоятельным, полноценным суффиксом.

Единичными являются образования с суффиксами **-ОК** (*Иванок, Петрок*), **-АК** (*Петрак*), **-АЙ** (*Китай* < Тит), **-ИС** (*Иванис, Леванис* < Левон < Лион), **-АШ** (*Леваш*), **-УШ(а)** (*Петруша, Левуша*), **-УН(я)** (*Карпуня*), **-ЫЛЬ** (*Гурыль*).

Но продуктивность отдельных формантов нередко значительно увеличивается в случае прибавления к ним универсального суффикса **-К**, в результате чего возникает единый сложный суффикс: **-АШК(а)/-ЯШК(а)** (*Дмитрашка, Дмитряшка, Лукашка, Петрашка*); **-УШК(а, -о)/-ЮШК(а)** (*Евсейюшка, Карпушка, Левушка, Маркушка, Петрушка, Петрушко*); **-УНК(а)** (*Карпунка, Петрунка*). Кроме того, нами отмечено ещё несколько единичных сложных суффиксов: **-ИСК(о)**: *Иваниско*; **-УЙК(а)**: *Петруйка*; **-ОВК(о)**: *Максемовко*. В сравнении с простыми суффиксами количество форм христианских личных имён с удвоенными формантами было очень незначительным и не получило в исследуемый период широкого распространения.

Таким образом, даже от полной формы одного имени (в зависимости от использования того или иного разговорного его варианта, от употребления того или иного суффикса и той или иной финали) возникали многообразные производные формы. Так, только от полной основы имени *Иван* имеем восемь производных форм: *Иванка, Иванко, Иванько, Иваник, Иванок, Иванец, Иванис, Иваниско*; столько же производных отмечено от полной основы имени *Пётр*: *Петрак, Петрок, Петруйка, Петрунка, Петрашка, Петруша, Петрушка, Петрушко* и т.д. По всей вероятности, чем употребительнее было личное имя, тем большее число модификатов образовывалось от него. Если же к названным разнообразным формам от полной основы имени добавить множество форм от

различных сокращённых основ, то число производных форм в каждом гнезде оказывается весьма значительным.

Между тем на тверских землях в XVI–XVII вв. число модификаторов от полных имён было не столь значительным, как на отдельных территориях. Так, по подсчётам Г. Я. Симиной¹, на Пинежье в XVII в. подобная словообразовательная модель была ведущей и составляла более 70%, хотя в настоящее время и там подавляющее большинство форм образовано от сокращённой основы. Можно предположить, что на тверских территориях, близких к Центру, формирование антропонимических норм шло более быстрыми темпами, чем в отдалённых регионах, где дольше сохранялись старые традиции именования; кроме того, многие данные свидетельствуют о том, что крестьянская речевая традиция дольше сохраняет самостоятельность и самобытность жизни языка, в том числе и в антропонимии.

О. Б. Власова

СРАВНЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФРЕЙМИНГА (на материале дореволюционной поэзии А. А. Ахматовой)

Framing (from English «frame» – a framework) means a verbal transfer of vision of the world, comprising the author's relation to the described. Framing consists of two stages, the former is the choice of a perspective, the major component from the point of view of a speaker, a fragment of external or inner world, and the latter is its verbal description at which, a speaker is not limited to a mention of subjects or the phenomena, its components, and gives them more or less developed estimations.

Key words: framing, reframing, comparatives.

Фрейминг (от англ. frame – рамка) – словесная передача видения мира, заключающая в себе авторское отношение к описываемому. Фрейминг состоит из двух этапов, первым из которых является выбор ракурса, важнейшего, с точки зрения говорящего, фрагмента внешнего или внутреннего мира, а вторым – словесное его описание, при котором, говорящий не ограничивается упоминанием предметов или явлений, его составляющих, а даёт им более или менее развёрнутые оценки.

Примеры фрейминга можно увидеть, например, если сравнить газеты противоборствующих партий. Например, в одной «возмущённый

¹ Симиная Г. Я. Бытовые варианты личных имён (по материалам письменных памятников и современной антропонимии Пинежья) // Антропонимика. М., 1970. С. 192.